

ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ¹

Рачья Арзуманян

Стратегическая культура пронизывает всю военную сферу, объединяя ее в единое целое и давая ответы на вопросы, почему, когда и как народ и его вооруженные силы ведут войну. Она является отражением моральных ценностей и идеалов народа. Для той или иной культуры, нации моральный аспект и легитимность той или иной стратегии может варьироваться в широких пределах.

Несмотря на широкий охват и глубину понятия «стратегическая культура», стратегические исследования являются жестко прагматичной дисциплиной. Рассматриваемые в данной работе теории и концепции ориентированы больше на сферу войны и военное время, нежели большую стратегию и проблематику национальной безопасности.

Стратегия трудна и, безусловно, отличается как от военной выучки, так и от политического опыта. Стратегист должен связать военную мощь с целями политики. Это требует знакомства со всеми существующими стратегическими концепциями, к которым необходимо относиться как к инструментарию, позволяющему выбирать оптимальную для сложившейся обстановки стратегию или формировать комбинацию из нескольких теорий и подходов.

Занимаясь теорией стратегии, ни в коем случае нельзя забывать старый афоризм стратегии о том, что «нет ничего невозможного для человека, кто не собирается делать это», и компетентность военных на поле боя не может компенсировать глупость политиков при определении целей и имеющихся средств.

Несмотря на быструю смену стратегического ландшафта в 21 веке, основные проблемы, приводящие к сложности стратегии, остаются неизменными со времен Древнего Рима и Британской империи. Рассеяние тумана и трения войны и оценка стратегических горизонтов во все времена требовала высокого напряжения интеллектуальных сил и являлась сложным искусством. Занимаясь стратегическими прогнозами, следует осознавать, что буду-

¹ Окончание. Первая часть работы Р.Арзуманяна «Военная культура и стратегия» опубликована в предыдущем номере журнала.

щее, наряду с непредсказуемостью, несет с собой элемент стратегической неожиданности.

Непредсказуемость будущего делает критически важной разработку альтернативных сценариев и соответствующих стратегий. Занимаясь стратегическим планированием, важно понимать, что существуют различные типы стратегических горизонтов, определяющие насколько далеко стратегист в состоянии прогнозировать развитие событий.

Стремительно меняющаяся стратегическая среда приводит к тому, что наиболее актуальной, если не главной стратегической концепцией наших дней становится стратегическая неожиданность. Основной проблемой при этом является не столько сама неожиданность, сколько стратегический эффект неожиданности, и вопрос заключается в том, каковы последствия этой неожиданности.

1. Стратегия и стратегическая культура

Сунь-цзы писал: «Если знаешь его (противника) и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет; если знаешь себя, а его не знаешь, один раз победишь, другой раз потерпишь поражение; если не знаешь ни себя, ни его, каждый раз, когда будешь сражаться, будешь терпеть поражение» [1, р. 84]. Чтобы узнать себя, военный обязан знать стратегическую культуру своего народа, являющуюся сложным и многоплановым явлением. Она включает географию, историю, традиции, ценности, паттерны поведения, привычки, достижения и неудачи народа, его способность адаптироваться к складывающейся обстановке, решать проблемы, справляться с возникающими угрозами, применять силу и пр. [2, р. 24].

Стратегическая культура пронизывает всю военную сферу, объединяя ее в единое целое и давая ответы на вопросы, почему, когда и как народ и его вооруженные силы ведут войну. Она является отражением моральных ценностей и идеалов народа. Командующий, получив приказ, вместе со своим штабом приступает к разработке плана будущей операции. При этом они используют как личный, так и коллективный опыт вооруженных сил, опираются на профессиональную выучку и полученное образование, военную доктрину и принципы войны [3].

Как уже говорилось выше, американская военная культура, включая и стратегическую, несколько свысока относится к другим культурам и исходит из того, что ее критерии и ценности являются таковыми и для всего остального мира. Как замечает один из комментаторов, «для Запада в целом и для американцев в частности опасно верить, что другие видят стратегию а также

природу силы и ее использования через англо-американские линзы» [4, pp. 80-81]. Несмотря на широкий охват и глубину понятия стратегической культуры, стратегические исследования являются жестко прагматичной дисциплиной, которая изучает разворачивающиеся события, прогнозирует наиболее вероятное развитие ситуации, осознавая при этом, что последнее является достаточно спорным [5, p. 1].

Как уже отмечалось ранее на пространстве войны, военной культуры и стратегии не существует новых идей, и перед стратегистом открывается мировая сокровищница идей, в которой аккумулируется тысячелетний опыт предыдущих поколений теоретиков и практиков войны. Интеллектуальная элита народа, формулируя адекватные современности доктрины и концепции, обращается к опыту прошлых поколений за идеями и определениями, которые затем интерпретируются и оформляются языком новой эпохи и в рамках существующих общественных форм [5, p. 21]. Это означает, что, несмотря на использование научного языка и методологии, стратегия, тем не менее, остается высоким искусством, а не наукой [6, p. 69].

Стратегия – это не политика и не война, а, скорее, мост между ними. Относясь к высшим уровням войны и будучи той самой средой, которая позволяет «сшить» пространство войны в единое целое, стратегия играет ключевую роль в военной теории, ошибки в которой всегда очень дорого обходились воюющей стороне. Фельдмаршал Кейтель как-то заметил, что «ошибки в тактике и на оперативном уровне могут быть исправлены в течение текущей войны, в то время как ошибки в стратегии могут исправлены только во время следующей» [5, p. 21].

Стратегия трудна и, безусловно, отличается как от военной выучки, так и политического опыта. Стратегист должен связать военную мощь (стратегический эффект) с целями политики. Отсутствие стратегического мышления приводит к необдуманному и проигрышным действиям, которыми, например, изобилует современная американская политика. С другой стороны, нельзя впадать в другую крайность, относясь к рекомендациям стратегистов как к абсолютным критериям успеха. Прогнозы и рекомендации стратегиста могут оказаться ошибочными, если вооруженные силы блестяще ведут «неправильную» войну или, наоборот, плохо ведется «правильная» война [7, pp. 83-84].

Ниже дается краткий обзор наиболее важных, а также классических стратегических концепций, представляющихся актуальными для Армении¹.

¹Здесь и далее под Арменией понимаются два армянских государства – Республика Армения и Нагорно-Карабахская Республика, составляющие единое целое в культурном и военно-стратегическом пространствах.

Стратегия согласно Сунь-цзы. Китайский военный философ Сунь-цзы не дает какого-либо определения стратегии, но приводит практические примеры ее применения. Он остается приверженцем достижения победы без прямого столкновения армий противоборствующих сторон: «... сто раз сразиться и сто раз победить – это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего – покорить чужую армию, не сражаясь» [1, р. 84].

Сунь-цзы является интеллектуальной предтечей школы войны, которая старается достигнуть победы через маневр или психологическое расстройство противника, что было не очень характерно для древнего Китая. Он также защищает подход разделения и разгрома по частям сил противника: «Поэтому, если я покажу противнику какую-либо форму, а сам этой формы не буду иметь, я сохраню цельность, а противник разделится на части. Сохраняя цельность, я буду составлять единицу; разделившись на части, противник будет составлять десять. Тогда я своими десятью нападу на его единицу. Нас тогда будет много, а противника мало» [1, р. 95].

Сунь-цзы считал, что оборона являясь сильной формой войны, тем не менее, не позволяет достигнуть победы, которая возможна только через наступательные действия. «Непобедимость есть оборона; возможность победить есть наступление. Когда обороняются, значит есть в чем-то недостаток; когда нападают, значит есть все в избытке. Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубины преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес» [1, р. 87].

Стратегия согласно Наполеону. Наполеон определял стратегию как «искусство использования времени и пространства» [8, р. 161], которые дополняются сложными взаимодействиями с элементами триединства Клаузевица и сферой технологии. Однако только после наполеоновских войн появилось понимание возросшей сложности стратегии, отраженной в предупреждении Клаузевица: «не может существовать вопроса о чисто военной оценке великих стратегических проблем и чисто военных схем их решения» [9, р. 9].

Стратегия по Клаузевицу. Согласно Клаузевицу: «Стратегия есть использование боя для целей войны, следовательно, она должна поставить перед военными действиями в целом такую цель, которая соответствовала бы смыслу войны. Она составляет план войны и связывает с поставленной военным действием целью ряд тех действий, которые должны привести к ее достижению; иначе говоря, она намечает проекты отдельных кампаний и да-

ет в них установку отдельным боям» [10, р. 218].

Приведенное выше определение стратегии является неполным, так как описывает чисто военный и даже операционный уровень войны. Фактически, Клаузевиц говорит о стратегии военной кампании на театре военных действий, но не войне [11, р. 79]. Клаузевиц ценен больше как военный философ, нежели разработчик инструментальной стратегии, отвечающей на вопросы о том, «каким образом» достигается победа в войне, а его идеи отражают общий уровень понимания стратегии 19 века.

В отличие от того же Сунь-цзы, в своей концепции войны Клаузевиц выбирает не «разбивание замыслов противника», но сражение, и вводит понятие решающего сражения, от которого зависит исход войны. «...энергия, с которой проводится первое преследование, по преимуществу и определяет ценность победы; это преследование составляет как бы второй акт победы, во многих случаях даже более важный, чем первый, и стратегия, приближаясь в данном случае к тактике, чтобы принять из ее рук завершённое дело, проявляет впервые свой авторитет в том, что требует этого завершения победы» [10, р. 393].

Затем Клаузевиц обосновывает необходимость атаки вводимого им понятия центра тяжести (гравитации) противника. «Вооруженные силы всякой воюющей стороны – отдельного ли государства или же союза государств – представляют собой известное единство и, следовательно, как-то вместе связываются; там же, где есть связь, появляется и аналогия с центром тяжести. Поэтому в этих вооруженных силах существуют известные центры тяжести, движение и направление которых оказывают решающее влияние на остальных пунктах...» [12, р. 237].

Он рассматривает несколько возможных сценариев начала войны и приходит к выводу, что наилучшим является нападение на центр тяжести противника, который чаще всего совпадает с вооруженными силами, и их разгром. Далее необходимо захватить столицу страны и затем атаковать его союзников.

Другой важной идеей Клаузевица из области «каким образом» ведется война является концепция *кульминационной точки*. «Бывали стратегические наступления, которые приводили непосредственно к миру, однако таких меньше всего; большинство их доводило только до такого момента, когда сил как раз хватало на то, чтобы держаться в состоянии обороны и выжидать заключения мира. За этой точкой следует уже перелом, реакция. Сила такой реакции обычно значительно превосходит силу предшествовавшего ей удара. Этот переломный момент мы называем кульминационным пунктом

наступления» [12, р. 310].

Военная кампания 1991-94 гг. может служить классическим примером данной концепции. Вооруженные силы армянских государств, достигнув кульминационной точки и военной победы, согласились на перемирие и заняли оборону. Следующим естественным шагом должно стать заключение мирного договора, адекватного достигнутой победе, и готовность к неизбежной последующей реакции.

Стратегия согласно Жомини. Жомини верил, что война – это наука и, следовательно, существуют правила ее ведения. Он вводит свое определение стратегии, которое оказывается более инструментальным, нежели у Клаузевица.

«Стратегия – это искусство ведения войны на карте и понимания всего театра войны. Большая тактика – это искусство расположения войск на поле боя в соответствии со столкновениями непосредственно на местности, а не на карте. Логистика (обеспечение) охватывает средства и мероприятия, которые находятся вне стратегического и тактического планов. Стратегия решает, где действовать, логистика обеспечивает доставку войск к театру военных действий, большая тактика определяет способы использования и применения сил» [13, р. 62].

Стратегия Жомини оказывается замкнутой только на военную сферу и ориентированной на театр военных действий. Его подход к стратегии отвечал на вопрос, каким образом должна планироваться военная кампания. Жомини часто критикуют за геометрический подход, что в определенных границах является справедливым. На первом этапе он выбирает театр военных действий и определяет решающие точки на нем. Затем следует выбор опорных пунктов, зон операции и точек наступления. Линия операции, таким образом, определяется линией от опорных пунктов через решающие точки к точкам наступления [11, р. 87]. Ряд идей и понятий стратегии Жомини вошли в современные военные концепции США.

Стратегия согласно Мольтке. Фельдмаршал Мольтке, сыгравший важную роль в объединении Германии, писал в «Инструкциях для высших командиров» (*Instructions for Superior Commanders*), что «стратегия заключается в применении здравого смысла к ведению войны. Трудность лежит в ее выполнении...» [14, р. 276]. Фактически, он перефразирует слова Клаузевица, что «в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы все было бы и чрезвычайно легко» [10, р. 221].

Стратегия согласно Корбетту. Британский стратегист Джулиан Корбетт (*Julian S. Corbett*) придерживается системного подхода к стратегии и определяет ее как «искусство направления силы с учетом целей». Он также вводит понятие промежуточных целей, через которые определяет конечные цели: «Большая стратегия имеет дело со скрытыми (невывраженными) целями, маленькая – с первоочередными» [15, р. 308]. В современной военной терминологии под «большой стратегией» понимают «стратегию», под малой – «оперативное искусство».

Важность идей Корбетта заключается в понимании того, что стратегия задействует «все ресурсы нации для войны. Она является частью искусства управления государством и рассматривает сухопутные и военно-морские силы как части одной силы, используемые вместе; они являются инструментом войны» [16, р. 308]. Для Корбетта важность военно-морских сил заключается не в их способности обеспечивать господство на море, но в способности воздействовать на события на суше. Он верил, что военно-морские силы редко побеждают в войне, но создают предпосылки для достижения победы сухопутными силами. Взгляды Корбетта получили свое отражение в современной военно-морской доктрине США [11, р. 101].

Стратегия согласно Лиддел Гарту (1895–1970). Лиддел Гарт определяет стратегию как «искусство распределения и применения военных средств для осуществления целей политики» [17, р. 335]. Он также дает более развернутое определение: «Стратегия зависит от успеха, в первую очередь и в наибольшей степени, от калькуляции и координации целей и средств. Цель должна быть пропорциональна общим средствам, а средства, используемые для достижения каждой из промежуточных целей, содействующих достижению конечной цели, должны быть пропорциональны ценности и необходимости этих промежуточных целей: действительно ли они способствуют достижению конечной цели или же способствуют вспомогательному успеху. Избыток может быть настолько же вредоносным, как и дефицит» [17, р. 322].

Очевидно, что Гарт говорит скорее о военной стратегии, которая, будучи родственной большой стратегии, все же имеет определенные отличия. «Точно так же, как тактика является применением стратегии на нижнем уровне, так и стратегия является нижним уровнем «большой стратегии» (*grand strategy*). Являясь, практически, синонимом политики, которая руководит проведением войны, и отличаясь от более фундаментальной политики, которая управляет ее задачами, термин «большая стратегия» используется для отображения значения «действующей политики» (*policy in execution*). Для большой

стратегии «высшая стратегия» заключается в координации всех ресурсов нации или группы наций для достижения политических целей войны, – цели, определяемые фундаментальной политикой» [17, р. 335].

Далее Гарт говорит: «Большая стратегия должна рассчитывать и развивать экономические и людские ресурсы нации с целью обеспечить боевые службы. Моральные ресурсы, поднятие боевого духа народа часто столь же важны, как обладание конкретными формами силы. Большая стратегия также регулирует распределение силы между службами и между службами и экономикой.

Более того, военная сила является всего лишь одним из инструментов большой стратегии. Необходимо принимать во внимание и применять силу финансового давления, дипломатического давления, коммерческого давления и, не в последнюю очередь, этического давления для ослабления воли противника...

Кроме того, в то время как горизонты стратегии ограничиваются войной, большая стратегия смотрит дальше войны – на последующий мир. Она не только должна комбинировать различные инструменты, но так регулировать их использование, чтобы избежать нанесения вреда будущему состоянию мира, его безопасности и процветанию. Плохое состояние мира для обеих сторон, приводящее к новым войнам, может быть объяснено тем фактом, что в отличие от стратегии, сфера большой стратегии является в большей своей части *terra incognita*, – ожидающей исследования и понимания» [17, р. 322].

Несмотря на различия в терминологии, точка зрения Гарта очень близка современным доктринам. Вводимые им термины и понятия становятся средством для разработки собственного подхода к стратегии, известного как непрямой (косвенный) подход.

«В отличие от природы, стратегия не может преодолеть сопротивление. Ее целью является уменьшить вероятность сопротивления, и она добивается осуществления этой цели через использование элементов движения и внезапности... Хотя стратегия может попытаться использовать скорее движение, нежели внезапность и наоборот, оба элемента взаимодействуют друг с другом. Движение генерирует внезапность, а внезапность придает стремительность движению [17, р. 337].

Как военные средства являются только одним из средств большой стратегии – одним из инструментов в сумке хирурга, так и сражение является только одним из средств, используемых для достижения целей стратегии. Когда имеются подходящие условия, это наиболее быстрый путь, однако, когда

условия неблагоприятны, использование сражения является глупостью...

Его (военного стратега) ответственность заключается в выборе (военного решения) при наиболее выгодной обстановке с целью получить наиболее благоприятные результаты. Таким образом, истинная цель заключается не столько в выборе сражения, сколько в создании настолько выгодной стратегической ситуации, чтобы если она сама по себе и не приводила к решению, то ее продолжение в виде сражения однозначно позволяло достичь его. Другими словами, дислокация является целью стратегии» [17, р. 339].

Внезапность и последующее состояние замешательства создаются или прямым воздействием, через принуждение противника изменить линию фронта, или посредством угрозы его силам или линиям коммуникации. Оно также может быть достигнуто психологическими методами воздействия на политиков и командный состав вооруженных сил противника: «При изучении физических аспектов мы не должны терять из виду психологические, и только комбинирование обоих позволяет получить стратегию действительно непрямого подхода, применимую для расстраивания баланса противника» [17, pp. 340-341]. Последнее утверждение Гарта перекликается с подходом Клаузевица: «Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем – нас ничто не обязывает ограничивать это понятие одними материальными силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой» [10, р. 69].

Непрямой подход Гарта популярен среди современных стратегистов, а в некоторых кругах он приобрел статус догмы. Тем не менее, его применение в изоляции создает целый ряд проблем. Непрямой подход представляет собой тактический инструмент, статус которого был поднят до стратегического. Очевидно, что в процессе такого перехода концепция теряет некоторые из своих качеств и ее легитимность требует дополнительного обоснования. В реальном мире прямой подход часто обеспечивает гораздо большее преимущество, нежели непрямой, особенно если удастся обеспечить качественное военное превосходство над силами противника.

Преимущество стратегии непрямого подхода заключается в эффекте внезапности, психологическом замешательстве и последующее достижение победы без вступления в прямое столкновение с противником. В этом плане непрямой подход перекликается с философией Сунь-Цзы. Не вызывает сомнений, что замешательство и эффект внезапности могут обеспечить большое преимущество нападающей стороне. Однако вместе с тем возникает вопрос, каким образом и для каких целей используется достигнутое преимущество,

каким образом нападающая сторона распоряжается достигнутым эффектом, который по определению носит временный характер. И в этом смысле непрямой подход выглядит неполным и требует дополнения стратегического инструментария прямыми подходами, основанным на применении военной силы [11, pp. 87-88].

Стратегия согласно Говарду. Стратегическая парадигма Майкла Говарда (*Michael Howard*), выстраивается на устрашении, принуждении и убеждении (*reassurance*): «Убеждение обеспечивает общее восприятие безопасности, которое не является специфичным для какой-либо угрозы или сценария». В рамках парадигмы военную силу предлагается использовать, в том числе, и для устрашения других государств, принуждая их отказаться от каких-либо шагов или сделать другие. Стратегия Говарда предлагает способ, при помощи которого военная сила может быть трансформирована в стабильный и долгосрочный мир. Наиболее ярким примером успешного ее применения является британский мир, когда осуществляемый военно-морским флотом Великобритании контроль морей обеспечивал глобальную безопасность, которая преобразовывалась в общий мир [18, p. 165].

Стратегия согласно Люттваку. Эдвард Люттвак (*Edward Luttwack*) в качестве формы стратегии использует изнурение и маневр. Изнурение противника есть использование своего превосходства в огневой мощи и материальных ресурсах для уничтожения вооруженных сил противника, вне зависимости от того отступает ли он или капитулирует. Противник есть не что иное, как множество целей, которые должны быть поражены имеющимися в распоряжении системами вооружения. Противоположностью изнурения выступает относительный маневр – «действие, отвечающее особенностям цели». Начальной установкой относительного маневра является избежание прямого столкновения с силами противника до выявления его слабых сторон: физических, психологических или организационных, – с целью вывести из строя системы противника. Это могут быть система командования и управления, действующая армия или даже военная доктрина. В ряде случаев могут быть атакованы технические системы противника [19, pp. 92-94].

Люттвак понимает, что должны использоваться обе формы стратегии с доминированием той или иной, в зависимости от конкретной обстановки. Относительный маневр гораздо труднее осуществить, нежели изнурение, и он может полностью провалиться, если выполняющие его силы слишком слабы, чтобы справиться с задачей, или же они встречают неожиданное со-

противление. Относительный маневр не признает максимы «свободная замена качества количеством», когда при отсутствии качества поставленные цели достигаются за счет наращивания количественных показателей военной мощи. Пока вооруженные силы не достигли некоторого базисного уровня боеспособности, огневой мощи, боевой выучки, стратегия относительного маневра чревата непредсказуемыми последствиями.

По словам Люттвака, стратегия парадоксальна: «Широкое утверждение, предлагаемое здесь, заключается в том, что стратегия не просто вызывает то или иное парадоксальное предложение, противоречивое, однако признаваемое в качестве обоснованного. Оно скорее говорит о том, что вся сфера стратегии сама по себе пропитана парадоксальной логикой, входящей в противоречие с обыкновенной линейной логикой, по которой мы живем во всех других сферах жизни (за исключением игр, похожих на войну)» [19, р. 4].

Парадоксальная логика стратегии охватывает 5 уровней войны: технический, тактический, операционный, стратегический (ТВД) и уровень большой стратегии, а также два измерения: горизонтальный – внутри каждого из уровней, и вертикальный – сквозь уровни. На простом примере выбора дорог Люттвак демонстрирует различия между нормальной и парадоксальной логиками. В обычной человеческой деятельности вы, безусловно, остановите свой выбор на качественной дороге. Однако «только в конфликтной сфере стратегии может иметь место выбор, и только в условиях боя возможно, чтобы плохая дорога считалась бы хорошей именно потому, что она плохая, и поэтому менее сильно удерживается или даже оставляется незащищенной противником», обеспечивая тем самым преимущество, являющееся следствием природы войны.

Вслед за Клаузевицем Люттвак остается верен военному противоборству и состязательному аспекту войны, ведущему к парадоксальности войны: «...парадоксальное предпочтение неудобного времени или направления, явных и умышленно незавершенных приготовлений, подступов кажущихся слишком опасными, ночного боя или плохой погоды являются общими аспектами тактического мастерства по причинам, вытекающим из неотъемлемой природы войны» [19, р. 7].

Парадоксальное поведение может быть выбрано, чтобы добиться внезапности и получить преимущество в бою: «Любые виды парадоксального выбора могут быть признаны приемлемыми, чтобы получить преимущество над противником, который не в состоянии реагировать, так как его застали врасплох, и он не готов или как минимум не может реагировать адекватно и в полную силу...

Внезапность теперь может быть признана тем, чем она является: не одним из многих факторов преимущества на войне, а скорее состоянием зависания, хотя бы только на краткое время и частично, всей категории стратегии, даже при продолжающейся борьбе. Без реагирующего противника, точнее согласно продолжительности и степени достигнутой внезапности, проведение войны становится просто администрированием» [19, р. 8].

Достижение внезапности, тем самым, становится одним из ключевых элементов стратегии и даже целого направления в стратегической науке. Очевидно, что парадоксальный выбор, позволяя достичь внезапности, имеет свои границы и никогда не является абсолютно надежным. Кроме того, «парадоксальный выбор с целью достичь внезапности должен иметь свою цену, выражающуюся в виде некоторой потери потенциала (сил и средств), который, в противном случае, был бы сохранен». Он чаще всего затрудняет ведение боевых действий: например, гораздо труднее вести ночной бой. В крайних случаях усилия, затраченные на обеспечение парадоксального выбора и достижения внезапности, приводят к такому расходу сил и ресурсов, что их уже не хватает на главное сражение [19, pp. 9-10].

«Очевидно, что парадоксальный курс «наименьшего ожидания» должен быть остановлен от саморазрушительных крайностей, так как, помимо всего прочего, решение является результатом расчетов, не отвечающих безопасности и точности. Хотя потенциально возможная потеря сил и средств несомненна, успех, достигаемый внезапностью, является только предполагаемым; и если стоимость может быть обычно точно высчитана, то выгода, пока дело не окончено, должна оставаться предметом спекуляций» [19, р. 10].

Картина усложняется трением, которое Люттвак называет организационным риском. Кроме того, парадоксальные действия могут оказаться предсказуемыми для противника, сводя на нет эффект внезапности.

Возможны также ситуации, когда прямые логические решения являются наиболее приемлемыми. «Если противник так ослаблен, что его силы могут рассматриваться как пассивное множество целей, которые к тому же обездвижены, нормальная логика индустриального производства со всеми вытекающими критериями производственной эффективности становится полностью обоснованной, а парадоксальная логика стратегии неуместной» [19, pp. 10-15, 17].

Очевидно, что стратегия Люттвака имеет свои границы, не может претендовать на роль общей теории войны. Та же парадоксальность войны и военной логики может рассматриваться как элемент военной логики и вполне логичного военного поведения, то есть попытки обобщения приводят нас

к противоречию и самоотрицанию, тем самым четко очерчивая границы применимости данной формы стратегии.

Стратегия согласно Ван Кревельду. Монография Мартина Ван Кревельда (*Martin van Creveld*) «Трансформация войны», согласно аннотации на обложке, представляет собой «наиболее радикальную реинтерпретацию военного конфликта со времен Клаузевица». Кревельд относится к военным теоретикам, считающим теорию Клаузевица устаревшей и не позволяющей объяснить кто, как и почему ведет войны в современную эпоху. Согласно Кревельду, война больше не является рациональным политическим актом государства. Более того, высказывается большое сомнение, что она вообще когда-либо являлась таковой. Войны больше не ведутся вокруг привычных целей, которым мы верим, и они проводятся не по привычным и общепринятым правилам классических войн [20, р. ix]. Современная война принимает различные формы, и форма триединства Клаузевица является всего лишь одной из них, причем не доминирующей.

Согласно Кревельду, начиная с 1991г. и возрождения «конфликтов малой интенсивности», в мире начинают доминировать конфликты между негосударственными акторами: «Мы входим в эру не мирного экономического соревнования между торговыми блоками, но войны между этническими и религиозными группами». Профессиональные военные, их опыт и выучка оказываются неадекватными новым условиям и задачам, которые им приходится решать. Государствам, чтобы справиться с изменившимся миром, необходимо приступить к созданию соответствующих вооруженных сил, или же они рискуют исчезнуть с политической карты мира [20, р. ix, 57].

Природа конфликта диктует мотивы и цели участников борьбы. Так как это негосударственные акторы, то их цели не поддаются логическому объяснению и опираются на такие абстрактные для политического пространства понятия, как справедливость, религия и пр. Мотивы подобного поведения носят индивидуальный характер и не поддаются традиционному анализу. Как следствие, привычные методы воздействия со стороны государства оказываются неадекватными и вызывают неожиданную реакцию, которую достаточно трудно просчитать и спрогнозировать в рамках классического понимания войны [20, pp. 125-156]. Кревельд утверждает, что Клаузевиц не понимал, как ведется война, и его тяга к тотальности являлась ошибочной, так как международное право, конвенции, ряд других факторов ограничивают межгосударственные конфликты, не позволяя им приобрести тотальный характер.

Наиболее интересным представляется взгляд Кревельда на стратегию. Как и Люттвак, Ван Кревельд считает стратегию парадоксальной. Если целью войны является уничтожение войск противника, то мы должны использовать маневр, чтобы вскрыть его слабые места. Так как война есть состязание, то противник предпринимает аналогичные шаги, и наша задача заключается в защите собственных слабых мест от ударов противника. Тем самым квинтэссенцией стратегии становится «...способность отвлечь внимание (противника), обмануть и ввести в заблуждение». Очевидно, что при чрезмерном увлечении данной стратегией становится сложно различить, где имеет место обман и ввод в заблуждение противника, а где разворачиваются основные усилия.

Ван Кревельд говорит о нескольких парадоксах, включая и парадокс времени и пространства. При этом он использует те же аргументы, что и Люттвак, когда кратчайшим расстоянием между двумя точками не всегда оказывается прямая линия. Другой парадокс связан с взаимоотношениями между концентрацией сил и их рассредоточением. Концентрация, будучи необходимой для достижения преимущества на главном направлении, повышает шанс преждевременного раскрытия замысла. И, наконец, парадокс эффективности и действенности (*effectiveness and efficiency*), когда более экономичная, модернизированная военная организация может оказаться более уязвимой [20, pp. 63-94, 119, 120-220].

Вероятно, это уникальный случай в истории стратегической мысли, но Кревельд позже пришел к критике собственных взглядов. В новой редакции монографии, опубликованной в 2003г., он делает вывод, что нетрадиционные войны продолжают набирать вес, и «главный тезис «Трансформации войны» о том, что вооруженные конфликты между большими державами сходят на нет, подтверждается на протяжении десяти лет после публикации книги», и что «предсказание, что история свидетельствует о большом сдвиге от войн на основе концепции триединства войны к другим, подтвердилось и продолжает подтверждаться чуть ли не ежедневно» [21, p. 5]. Тем не менее, Кревельд вынужден констатировать, что конвенциональные войны остаются актуальными и нет симптомов их ухода с исторической сцены [21, pp. 7-14].

Стратегия согласно Грею. Современный стратегист Колин Грей дает следующее определение стратегии: «Под стратегией я понимаю способ применения силы и угроза применения силы в целях политики»¹ [22, p. 17]. В формулировке Грея определяющая роль отводится военной составляющей

¹ Подчеркнуто в оригинале.

или стратегии военного времени.

Грей утверждает, что война, будучи сложным феноменом, требует разработки и применения таких же сложных методов решения. Как следствие, стратегия у Грея обладает как минимум 17 размерностями и, что важно, это «характерные размерности единого целого... воздействующие друг на друга». Размерности группируются по трем большим категориям: народ и политика, подготовка к войне и проведение войны. После определения основных размерностей Грей задается вопросом, каким образом они взаимодействуют друг с другом, тем самым окончательно утверждая целостное и нелинейное видение войны, в котором решающая роль отводится человеческой активности. Война и стратегия оказываются вечными, как вечна человеческая природа и намного более абстрактными, чем принято считать, так как включают в себя такие составляющие как интуиция, когниция, культура и даже метафизика [22, pp. 24-43].

Холистический взгляд на войну и стратегию оказывается критически важным, так как ее следствием становится требование непрерывного обмена информацией, определяющего природу взаимодействия как между стратегическими размерностями, так и в системе в целом. Кроме того, информационные потоки позволяют распознать природу новых явлений и соответствующим образом адаптировать план операции, тем самым уменьшая трение и туман войны и сохраняя адекватность к непрерывно изменяющейся военной реальности.

Попытки обобщенного подхода к стратегии. В военных кругах США объединенная стратегия определяется как «искусство и наука разработки и применения инструментов национальной мощи синхронизированным и интегрированным образом для достижения целей театра военных действий (ТВД), национальных и/или многонациональных целей» [23, pp. 507, 357]. Определение рассматривает стратегию как функцию от национальной безопасности и является слишком широким.

В Объединенной он-лайн энциклопедии дается следующее определение: «Эти стратегии интегрируют национальные и военные задачи (цели), национальную политику и военные концепции (способы, пути, методы), а также национальные ресурсы, вооруженные силы и виды обеспечения (средства)» [24, pp. 731, 542]. Оно также сосредотачивается на национальной безопасности и служит ярким примером подхода, рассматривающего инструментальные аспекты стратегии: как, каким образом... достигаются стратегические цели. При этом мы, в лучшем случае, имеем корреляцию между

целями и способами их достижения. Определение не рассматривает вопрос, через какие военные цели предполагается достигнуть национальных целей, а энциклопедия отсылает к теоретическому документу «Национальная военная стратегия» (*National Military Strategy*).

Военный колледж армии США (*U.S. Army War College*) дает два определения стратегии. Первое: «Концептуально стратегию мы определяем как взаимоотношения между целями, способами (путями, методами) и средствами» [25, р. 11]. И второе, более широкое и близкое к определению большой стратегии: «Искусная формулировка, координация и применение целей (задач), способов (путей, методов) действий и средств (обеспечивающих ресурсов) для укрепления и защиты национальных интересов» [26, р. 205].

Авторы «Руководства по стратегии и национальной безопасности» дают собственное видение стратегии: «...стратегия представляет собой процесс решения проблемы. Это общий и логический способ (путь, метод) подхода к какой-либо проблеме - военной, национальной, личной, коммерческой или любой другой определенной категории. Стратегия задает несколько базисных вопросов: что это такое, что я хочу сделать, что у меня есть или что я могу использовать в приемлемых пределах, чтобы сделать то, что я хочу сделать, и каков наилучший способ (путь, метод) использования того, что у меня есть, чтобы сделать то, что я хочу сделать» [11, р. 81].

Данное понимание оказывается достаточно близким к определению Военного колледжа армии США, которое рассматривает стратегию как взаимоотношения между целями, способами (путями) и средствами.

Стратегия как процесс. Анализ парадигмы «цели-способы-средства» (*ends-ways-means*). В введении к сборнику работ «Становление стратегии: правители, государства и война» (*Making of Strategy: Rulers, States, and War*) автор описывает стратегию как процесс «...постоянной адаптации к меняющимся условиям и обстановке в мире, в котором доминируют случай, неопределенность и двусмысленность» [27, pp. 80-81].

Подход к стратегии как к процессу, пути, методу определения «взаимоотношений между целями и средствами» является не новым, и его придерживались такие стратегисты, как Жомини и Гарт. Подобное отношение к стратегии близко командующим на ТВД, разрабатывающим планы операций и решающим задачу оптимального распределения имеющихся средств для достижения поставленных целей.

Парадигма «цели-способы-средства» (*ends-ways-means*) позволяет уйти от смешения двух понятий: научного продукта и научного процесса. Попыт-

ки взглянуть на классическую стратегию как на нечто аналогичное естественным наукам, найти принципы и четкие научные законы стратегии всегда оканчивались неудачей. Парадигма позволяет достичь общего понимания того, что исследования по стратегии не могут быть оформлены в виде научного продукта. И в то же время она обеспечивает фрейм и возможность системного подхода к фактам и событиям и позволяет рассматривать стратегию как научный процесс [6, р. 115].

Адмирал Уайли говорит: «Я не утверждаю, что стратегия является или может стать «наукой» в смысле естественных наук. Она может и должна быть интеллектуальной дисциплиной высшего порядка, и стратегист должен готовить себя обращаться с идеями с точностью, ясностью и творческой фантазией. Поэтому, хотя стратегия сама по себе и не является наукой, стратегическое суждение может быть научным в силу того, что оно упорядочено, рационально, объективно, всеохватывающе, избирательно и проницательно» [28, р. 10].

Понимание ограничений парадигмы «цели-способы-средства», замыкая круг, приводит нас к пониманию стратегии как искусства нахождения оптимального соотношения между целями, способами и средствами. Очевидно, что стратегия не всегда остается в рамках данного фрейма, являясь, согласно Полевому уставу немецких сухопутных войск 1936г. (*German Army Regulations Truppenfuhrung 1936*), «свободной креативной активностью, опирающейся на научные основы» [29, р. 41].

Какая из рассмотренных выше стратегических теорий и концепций может считаться наилучшей? Со всей очевидностью можно ответить: ни одна из них. Стратегия не признает понятие наилучшего и универсального решения или теории, и каждая из стратегических теорий, будучи наиболее оптимальной в тех ли иных специфических условиях, не может претендовать на роль общей теории стратегии. Ее также нельзя рассматривать в качестве серебряной пули и магической формулы, однозначно позволяющей достичь победы [5, р. 13].

Таким образом, стратегист должен быть знаком со всеми существующими концепциями и относиться к ним как к своему инструментарию. Это позволит ему выбрать оптимальную для сложившейся обстановки стратегию или сформировать комбинацию из нескольких теорий и подходов, уходя, тем самым, от ограничений старого афоризма: «если у вас под рукой только молоток, то все ваши проблемы выглядят гвоздями» [11, pp. 102-103]. Рассматриваемые в данной работе теории и концепции ориентированы больше на сферу войны и военное время, нежели большую стратегию и проблемати-

ку национальной безопасности. И даже в рамках военного подхода они фокусируются прежде всего на многомерном анализе проблемы и поиске решений, нежели инструментальном подходе парадигмы «цели-пути-средства».

Тестирование потенциальной стратегии может быть проведено по критериям соответствия, приемлемости и осуществимости (*suitability, acceptability, and feasibility*), позволяющим оценить элементы парадигмы «цели-способы-средства». Критерий соответствия способствует оценке того, позволяет ли выбранная стратегия достичь желаемых целей. Приемлемость оценивает способы достижения целей: позволяют ли предлагаемые действия достичь результата без чрезмерной траты ресурсов и в рамках имеющихся возможностей. Осуществимость рассматривает средства достижения целей: позволяют ли имеющиеся средства, методы управления и пр. реализовать предлагаемую концепцию. Предлагаемые стратегические концепции должны положительно ответить на все три вопроса, формируя тем самым некоторое множество подходов и возможных решений. Искусство стратегии заключается в умении выбрать из данного множества наиболее оптимальное решение [11, р. 82].

При оценке применимости той или иной стратегии важную роль приобретают моральный и социальный аспекты стратегии. Для той или иной культуры, нации и даже личности моральный аспект и легитимность той или иной стратегии могут варьироваться в широких пределах. Колин Грей говорит о социальном измерении стратегии: «Стратегия разрабатывается и исполняется институтами определенных обществ способами, отражающими культурные предпочтения (предпочтения)» [22, р. 28]. Стратегия также должна удовлетворять нормам, принятым в военной среде, правительственных кругах и народе в целом.

Дилеммы стратегии. Должна ли меняться военная стратегия с изменением формы войны? Если стратегия является функцией цели, то с изменением политической цели, она также должна изменяться. Однако есть и альтернативная точка зрения, исходящая из того, что уничтожение армии противника является наилучшей (а для некоторых теоретиков единственной) целью войны и военной стратегии, вне зависимости от политических целей. Данная дилемма отражает проблему, которую Клаузевиц в свое время назвал высшим суждением о войне и ее природе.

«Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предприни-

маемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противояственно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов...» [10, pp. 88-89].

Интересным представляется вопрос о важности формулировки и артикулирования реализуемой стратегии. Очевидно, что государство может позволить себе не иметь четко сформулированных стратегических целей в военной сфере, что порой обеспечивает некоторое пространство для маневра, позволяющее избегать открытой войны. Очевидно, что речь, фактически, идет о политике уклонения, которая по определению является оборонительной, реактивной и может быть успешной на достаточно коротком отрезке времени. Попытки аналогичного подхода в сфере большой стратегии, национальной безопасности и национальных интересов представляется более чем сомнительными. Состоявшаяся государственность осознает и отслеживает свои стратегические цели, обладает пониманием путей и способов их достижения и знанием средств, которыми она располагает для этого. И если стратегия даже не сформулирована в виде теории или концепции, тем не менее, в жизнеспособном государстве она всегда присутствует и реализуется. Попытки игнорировать стратегию со стороны практических политиков разрушают взаимоотношения между политикой и военной сферой, и «... политика не может предъявлять к войне невыполнимых требований; это противоречило бы совершенно естественной и необходимой предпосылке, что она знает орудие, которое хочет использовать» [10, p. 433].

Углубляясь в теорию, необходимо помнить, что стратегия, тем не менее, является практической дисциплиной. Существует определенный разрыв между военными теоретиками и действующими военными, и все высоты стратегической мысли могут оказаться бесполезными для командира, участвующего в реальном бою. Согласно Цицерону (*Cicero de Oratione*), Ганнибал, находясь в ссылке в Эфесе (*Ephesus*), был приглашен на лекцию некоего Формио (*Phormio*). После окончания длинных рассуждений лектора об искусстве командующего у Ганнибала спросили его мнение, на что он ответил: «Я неоднократно видел много старых болтунов, но я не видел ни одного, кто болтал бы больше, чем Формио» [30, p. 275].

Занимаясь теорией стратегии, нужно помнить старый афоризм стратегии, что «нет ничего невозможного для человека, кто не собирается делать это» [7, p. 81], и ни в коем случае нельзя забывать следующее: компетентность военных на поле боя не может компенсировать глупость политиков при определении целей и имеющихся средств. Военная история полна примеров

блестяще выигранных кампаний на безнадежной и обреченной войне.

Когда военный теоретик говорит действующему военному стратегисту, что его задача является трудно выполнимой на уровне стратегии, он не ждет похвалы в свой адрес. Теоретик может позволить себе прийти к заключению о невыполнимости задачи и вернуться к теоретическим разработкам, в то время как практический стратегист должен принять решение и приступить к его реализации вне зависимости от неопределенности обстановки, и стратегия, так или иначе, должна быть разработана и реализована [7, р. 84].

2. Сложность стратегии

Стратегия пронизывает сферу войны и политики и имеет слишком много элементов и измерений, которые, взаимодействуя друг с другом, качественно усложняют общую картину. Пространство стратегии оказывается слишком большим и многомерным, а ее динамика, порой, весьма далекой от ожидаемой. Несмотря на то, что природа стратегии остается неизменной на протяжении всей человеческой истории, ее характер непрерывно меняется, адаптируясь к меняющимся технологиям, обществу и политическим идеям. Триумф на войне и в стратегии не всегда коррелирует с превосходством в доминирующих измерениях, и военная победа, стратегический и политический успех необязательно связаны с достижением преимущества в технологии, географии, сильном государственном аппарате или лидерах, так как противник всегда сможет найти способы компенсировать ожидаемый стратегический эффект.

Давно замечено, что очень сложно, практически невозможно подготовить стратегистов, о чем хорошо сказал Наполеон: «Тактика, маневры, артиллерия и инженерные науки, как и геометрия, могут быть выучены по пособиям; однако знание высших законов ведения войны может быть приобретено только через изучение истории войн и сражений великих генералов и личный опыт. Не существует никаких кратких и точных правил, все зависит от характера той реальности, с которой сталкивается генерал, его выдающихся качеств, его недостатков, характера войск, техники или вооружений, времени года и тысячи других обстоятельств, которые делают каждый случай уникальным» [14, р. 275].

Наполеон, как и Ганнибал, был хорошим полководцем, но плохим стратегом и через личный опыт пришел к справедливости данного высказывания. Аналогичным образом имперская, а затем и нацистская Германия, Советский Союз совершали одну и ту же стратегическую ошибку, преследуя политические цели, не соответствующие имеющимся средствам.

Критически важным в стратегии является понимание роли человеческой воли, трения и тумана войны. Андре Бефр (*Andre Beaufre*) определял стратегию как «искусство диалектики силы, или, более точно, искусство диалектики двух противоборствующих волей, использующих силу для разрешения своего конфликта» [31, р. 22]. Данный аспект войны и стратегии вносит принципиальную непредсказуемость в развитие событий. Колин Грей, пытаясь кратко сформулировать усложняющие разработку и реализацию стратегии причины, называет следующие из них:

«1. сама природа (стратегии), выдержавшая испытание временем и во всех контекстах;

2. множественность и абсолютное многообразие источников трения;

3. стратегия планируется для контекста, который буквально не случается и не может случиться; будущее не случается» [7, р. 82].

Технологии не в состоянии изменить сложную природу стратегии. В 1905г. генерал-лейтенант Рудольф фон Циммерер (*Rudolf von Caemmerer*) писал начальнику Генерального штаба Германии фельдмаршалу Алфреду фон Шлиффену (*Alfred Graf von Schlieffen*): «Бывшие и нынешние угрозы ошибки в предварительно сосредоточенном действии широко разбросанных частей армии ныне практически полностью исключены электрическим телеграфом... Полевой телеграф может быть проложен везде так быстро, как быстро продвигаются войска на марше, и штаб каждый вечер будет знать, как обстоят дела с различными армиями, и подавать соответствующие команды» [14, pp. 171-172].

Приводимые аргументы могут вызвать улыбку у современного стратега с его технологическими возможностями связи и огневого поражения, которые, тем не менее, не позволяют решить основную проблему стратегии и войны. Более того, технологические инновации и новые возможности резко усложнили как подготовку, так и работу стратега, так как качественно выросло количество параметров, которые он должен учитывать при выработке решения.

Колин Грей приводит следующие рекомендации, позволяющие справиться со сложностью стратегии. Чтобы добиться стратегического успеха вооруженные силы должны:

- быть внутренне связанными (когерентными), то есть надлежащим образом объединенными;
- быть в необходимом количестве и обеспечить стратегический эффект, масштабированный по задачам, устанавливаемым высокой политикой;

- применяться принудительно для достижения военных задач, которые соответствуют политическим целям [7, р. 86].

Таким образом, несмотря на быструю смену стратегического ландшафта в 21 веке, основные проблемы, приводящие к сложности стратегии, остаются неизменными со времен Древнего Рима и Британской империи. В постоянно меняющейся стратегической среде, как и прежде, очень трудно, но критически важно уметь выявлять и определять стратегические приоритеты. Также остается справедливым старый афоризм «хочешь мира – готовься к войне», когда для обеспечения стабильного мира общество обязано готовиться к войне. Здесь мы сталкиваемся со своего рода парадоксом, когда переусердствование в такой подготовке в долгосрочной перспективе может ослабить экономические, психологические и политические составляющие власти, тем самым спровоцировав войну.

«Решение заключается в том, чтобы так сбалансировать общие цели, способы (пути, методы) и средства, чтобы естественное напряжение в сфере национальной безопасности между внутренней и внешней политиками было бы сведено к минимуму, обеспечивая при этом с минимальным риском безопасность жизненно важных национальных интересов» [6, р. 123].

Без сомнения, достижение такого баланса являлось сложной задачей и искусством в гораздо более простые времена. В 21 веке, когда экспоненциально растет количество факторов, которые должен учитывать стратегист, стратегия остается наиболее сложным из искусств [32, р. 7].

3. Классификация стратегии. Стратегическое прогнозирование и горизонты

Существует несколько систем классификации стратегических теорий и концепций. Классификация может быть проведена на концептуальной основе с выделением декларативной, актуальной и идеальной стратегий. Декларативная стратегия артикулирует, что то или иное государство провозглашает в качестве своей стратегии. При этом она может как совпадать с реальной стратегией страны, так и отличаться от нее. Хорошим примером декларативной стратегии является заявление США о способности одновременно участвовать в боевых действиях на двух главных театрах войны (*Major Theaters of War*), хотя большинство аналитиков склоняются к тому, что реальные возможности страны не позволяют реализовать такую стратегию. Очевидно, что отказ от декларированной стратегии является проблематичным, и страна не может себе позволить частое ее изменение. Реальная стратегия обращается к различиям

между декларированной стратегией и реальностью и отвечает на вопрос о том, какая стратегия может быть применена, если декларативная является нереализуемой. Идеальная стратегия отвечает на вопрос о том, какой могла бы быть стратегия, если бы имелся неограниченный доступ ко всем необходимым ресурсам. Очевидно, что такая стратегия играет роль учебного пособия и редко соответствует реальным возможностям страны [11, р. 83].

Еще один тип классификации стратегии – организационная или иерархическая. Эта классификация выделяет национальную (или большую) стратегию и стратегию военной кампании (или оперативную стратегию). Хотя термин «оперативная стратегия» является достаточно спорным, тем не менее, он используется в литературе и ряде военных доктрин, в частности Объединенной военной доктрине США. Национальная стратегия связывается с действиями на государственном/национальном уровне. Военный колледж Армии США определяет ее как «наиболее общий подход страны в преследовании национальных задач в международной системе» [25, р. 12]. Хорошо проработанная национальная стратегия включает в себя все элементы национальной мощи. Современная практика допускает разработку узких национальных стратегий, например, в социальной или военной сферах, в области экономики, однако такой подход вряд ли можно назвать удачным и приемлемым, даже если принять во внимание тот факт, что некоторые элементы национальной мощи оказывают минимальное воздействие на ту или иную сферу общественной жизни.

Стратегическое прогнозирование. Рассеяние тумана и трения войны и оценка стратегических горизонтов во все времена требовала высокого напряжения интеллектуальных сил и являлась сложным искусством. Такого рода оценки отличаются от исследования неизвестной земли, когда с каждым шагом в неизведанное заполняются белые пятна карты, уменьшая, тем самым, общую неопределенность. Стратегические горизонты и пространство войны оказываются динамичными, эластичными и могут изменяться, в том числе, и как результат усилий и влияния исследователя, являющегося одним из элементов данного пространства [7, р. 83].

Занимаясь стратегическим прогнозированием на основе текущей обстановки и имеющегося опыта, всегда надо помнить афоризм, что «предсказание, особенно будущего, является сложным делом»¹, а также предупреждение Колина Грея о данном виде деятельности: «Война не должна рассматриваться

¹ Хотя данный афоризм в среде американских стратегистов принято приписывать Йоги Берра (*Yogi Berra*), игроку в бейсбол, тем не менее, в тех или иных вариациях он встречается у десятка авторов – от китайских философов, до Марк Твена и Нильса Бора.

способами, отрывают ее от политического, социального и культурного контекстов. Военный истеблишмент склонен разрабатывать впечатляющие военные решения тех проблем, которые он сам предпочитает решать, а не тех, которые ставит искусный или удачливый противник. Выявление тенденций и анализ является не очень полезным руководством для будущего. Стратегическое будущее направляется последствиями тенденций, которые мы видим, тенденций, которые взаимодействуют и могут инициировать нелинейное развитие. Произошло внезапное (неожиданное) развитие событий. Некоторые из них могут быть приятными, некоторые не очень. Маловероятно, что мы обладаем большей прозорливостью, нежели наши предки. Необходимо остерегаться действия закона непредусмотренных последствий. Так как война является дуэлью, имеются умные противники, которые сделают все возможное, чтобы мы отказались от стратегии, обеспечивающей бесспорную силу нашей трансформирующейся военной мощи» [33, pp. 16-17].

Даже точная идентификация и анализ современных тенденций не могут служить достаточным основанием для составления прогноза. Наблюдаемые тенденции развиваются параллельно во времени, взаимодействуя как друг с другом, так и контекстом, и будущее является скорее результатом и следствием данных взаимодействий, нежели самих тенденций. Тенденции начала двадцатого века не предвещали Первую, а 20-е годы – Вторую мировые войны. В 70-е годы практически ни один из аналитиков не был в состоянии предсказать крушение СССР в конце 80-х. Это означает, что адекватное планирование стратегического будущего требует знания и понимания как текущих тенденций, так и последствий их взаимодействия, что, безусловно, является искусством, а не наукой, и стратегист в своей работе может полагаться на интуицию и опыт – свой и предыдущих поколений. У современных стратегистов нет никаких оснований считать военных теоретиков прошлых веков менее опытными и искушенными [33, p. 16].

Занимаясь стратегическими прогнозами, следует осознавать, что будущее наряду с непредсказуемостью несет с собой элемент стратегической неожиданности. Чтобы справиться как с самим эффектом неожиданности, так и с его последствиями, руководящим принципом и важнейшим элементом психологической готовности должны стать минимальные сожаления по поводу не угаданных и не просчитанных тенденций. Надо спокойно относиться к тому, что непознаваемое действительно непознаваемо, а невозможное – невозможно [5, p. 28].

«Так как будущее непредсказуемо, следует избегать фразы «обозримое будущее». Мы должны использовать только источники, которым можно до-

верить. В частности, мы планируем действовать стратегически в неопределенном будущем, опираясь на три источника практических советов: исторический опыт, золотое правило осторожности (мы не должны позволять надеждам править планами) и здравый смысл» [7, р. 86].

Непредсказуемость будущего делает критически важным разработку альтернативных сценариев будущего и соответствующих стратегий. В 1914г. Германия готовилась к скоротечной войне, основывающейся на ее возможностях проводить быстрые военные кампании, и была совершенно не готова к позиционной, окопной войне. В 1941-42 гг. нацистская Германия готовилась и старалась реализовать стратегию блицкрига, однако в обоих случаях, когда реализуемые стратегии оказывались нереализуемыми, германское военное командование не имело альтернативного видения войны. Блестящая тактика германских вооруженных сил оказывалась не в состоянии противостоять войне на истощение [33, р. 15].

Стратегические горизонты. Занимаясь стратегическим планированием, важно понимать, что существуют различные типы стратегических горизонтов, определяющие насколько далеко стратегист в состоянии прогнозировать развитие событий. Горизонты предсказания могут быть ясными, усложненными и сложными [34, pp. 215-231].

Для генерала 18 века, готовящегося к сражению, день, местность и общая диспозиция войск – своих и противника – была ясной. Также был ясен план будущего сражения: когда, в какой последовательности будут двигаться его войска и каким может быть ответ противника. Хотя он не мог однозначно предсказать исход будущего сражения, тем не менее, количество возможных сценариев развития ситуации было достаточно небольшим и прогнозируемым. Генерал знал точную дату окончания сражения: завтра битва будет или выиграна или проиграна. Он также знал, что не в состоянии предсказать, какая сторона выиграет и какие из событий окажут решающее влияние на победу. Генерал 18 века имел ясные горизонты предсказания.

Несколько другой была ситуация для продвигающегося на Дикий Запад отряда кавалеристов США в 19 веке. Командир отряда не знал местность, и отряд мог наткнуться на большую реку или непроходимый каньон. Он также не знал, где отряд может встретить индейские племена, с которыми немедленно придется вступить в бой. Все, что было известно командиру достаточно четко, это общее направление движения отряда, однако из-за большого числа неконтролируемых и непредсказуемых факторов он был не в состоянии предсказать и предугадать события завтрашнего дня. Как

следствие командир отряда должен был всегда находиться в состоянии полной боеготовности и отправлять вперед разведчиков, которые расширяли бы его собственный горизонт предсказания. Это позволяло ему быть уверенным, что успеет распознать опасность, подготовиться к ней и при необходимости немедленно вступить в бой. Кроме того, командир имел относительно неопределенные временные горизонты, и его поход мог продолжаться дни или недели. Он знал, какие события могут иметь место, с какими препятствиями и противником может столкнуться отряд, но большое количество неизвестных факторов, их комбинация и взаимовлияние делали невозможным предсказание сроков завершения похода. Командир кавалерийского отряда имел усложненные горизонты предсказания.

И, наконец, совершенно иным было положение боснийского политика в 1995г., когда было очень трудно понять, кто является другом, а кто врагом. Его армия сражалась с армией боснийских сербов, в которой были его родственники. Вначале Босния воевала с хорватами, которые затем стали союзниками. Что мог ожидать боснийский политик от сил безопасности ООН и НАТО, западных политиков, Белграда, Загреба, Москвы? И даже тогда, когда ему казалось, что он знает, он ничего не знал, так как на завтра ситуация кардинально менялась. Боснийский политик имел неопределенный горизонт времени и не был в состоянии назвать всех акторов и события, которые могли повлиять на исход драмы, частью которой являлся его народ. В отличие от командира кавалерийского отряда, задача которого заключалась в продвижении по фиксированной местности, состоящей из знакомых, но пока что непредсказуемых элементов, социальный ландшафт боснийского политика был эластичным и непрерывно деформировался в ответ на воздействия, которые осуществлял он и другие участники событий. Его цель всегда находилась за пределом горизонта предвидения, и связь между тем, что он хочет, и тем, куда он идет, всегда была тонкой и неопределенной. Горизонт предвидения боснийского политика был сложным.

Если стратегические горизонты предвидения ясны, то могут быть применены хорошо разработанные математические методы теории принятия решений и стратегического планирования. В условиях усложненного горизонта стратегическое планирование превращается в процесс непрерывного исследования, эксперимента и быстрой адаптации. При сложных горизонтах предвидения сама структура мира, в которой оперируют акторы, оказывается подверженной изменениям. Что означает стратегия, когда «ваш мир активно строится, ты являешься частью строительной бригады, и нет никакого проекта» [34, р. 91]? На сегодняшний день стратегическая теория не в состоя-

нии предложить адекватные методы для оперирования со сложными горизонтами и отсылает к гению, интуиции и опыту стратега, командующего и политика.

4. Концепция стратегической неожиданности

Стремительно меняющаяся стратегическая среда приводит к тому, что наиболее актуальной, если не главной стратегической концепцией наших дней становится стратегическая неожиданность. К сожалению, внезапность принадлежит к тому же типу понятий, что и асимметрия, неопределенность, трение, которыми очень сложно оперировать вне узких пределов тактики [35, р. 122]. На первый взгляд очевидный способ борьбы со стратегической неожиданностью заключается в пересмотре функции и роли разведки. Однако попытки бюрократического подхода, связанные с созданием новых разведывательных органов или реформированием существующих, являются маргинальными и не позволяют справиться со стратегической и тем более политической неожиданностью [5, р. 6].

Очевидно, что основная проблема – это не столько сама неожиданность, являющаяся неизбежным спутником непредсказуемости реального мира, сколько стратегический эффект неожиданности, и вопрос заключается в том, каковы последствия неожиданности.

Джемс Вирц (*James Wirtz*) в своей работе объясняет: «Внезапность временно подавляет диалектическую природу войны (или какого-либо другого стратегического соперничества) через исключение активного противника с поля боя. Внезапность превращает войну в стохастическое учение, в которой вероятность некоторого события может быть определена с той или иной степенью точности, или, гораздо реже, следствие события не только может быть просчитано заранее, но определяется только одной стороной конфликта» [36, р. 103].

От Клаузевица до адмирала Уайли все военные теоретики были едины в том, что для достижения стратегического эффекта неожиданности критически важным элементом войны является сохранение контроля над ситуацией. «Главной целью стратега в проведении войны является, в определенной степени, управление противником в собственных целях; это достигается через управление паттерном войны, что в свою очередь обеспечивается манипуляцией центром гравитации войны для получения собственного преимущества и в ущерб противнику» [28, pp. 77-78].

Неожиданная атака преследует цель подавить дуэльную природу войны, исключить ее диалектику. В идеале она полностью подавляет противни-

ка, превращая его в беспомощную жертву, которая не способна выйти из состояния, в котором она оказалась, и восстановиться после нанесенного удара. Противник все время опаздывает и вынужден только реагировать на активность нападающей стороны. Все его замыслы и планы безнадежно опаздывают и не соответствуют новой реальности, которая формируется нападающей стороной.

Фактически, та же идея лежит в основе концепции цикла «наблюдение, ориентация, решение, действие» (НОРД) Джона Бойда (*John Boyd's observation, orientation, decision, action (OODA) loop*)¹. После первой неожиданной атаки скорость выработки адекватной реакции в НОРД-цикле атакуемого, его действия и ответные меры всегда оказываются встроенными в НОРД-цикл атакующего, не давая ему возможности восстановиться. То есть инициатива, ставшая результатом применения стратегии внезапности, все время остается в руках атакующего. Разрабатывая свою концепцию, Бойд опирался на тактику ведения воздушных боев, которую он обобщил на сферу стратегии и политики.

Неожиданность по определению контролируется атакующим, и именно он владеет инициативой, однако последствия эффекта неожиданности могут контролироваться атакуемой стороной. Военная операция в Ираке в 2003г. являлась неожиданностью, однако вера Вашингтона, что «шок и трепет» бомбовых ударов позволят достичь желаемого эффекта в виде паралича Ирака и неспособности оказывать сопротивление, оказалась неверной [5, pp. 10-11].

Атакующий может застать врасплох противника как своей инициативой, так и последующими эффектами, и если атакуемый оказывается не в состоянии понять природу и цели войны, он обречен пропустить чувствительные удары. Если природа войны понимается неадекватно, тогда политика, которая определяет цели войны, также оказывается неадекватной, а пролитая кровь и затраченные материальные ресурсы оказываются растраченными напрасно. Как справедливо замечает Гарт, «точка водораздела и различие между внезапностью и эффектом внезапности является смыслом теории войны» [37, p. 325].

В концепции стратегической неожиданности большая роль отводится контексту. Происходя от латинского *contextere*, контекст имеет два значения: первое и наиболее употребительное означает «то, что окружает», второе «то,

¹ Бойд никогда не публиковал свою теорию НОРД-цикла. Ее можно найти в неопубликованной работе «A Discourse on Winning and Losing» [38]. Одним из лучших описаний НОРД-цикла является книга Дэвида Фейдока «John Boyd and John Warden: Airpower's Quest for Strategic Paralysis» [39, pp. 141-143]. Одна из лучших книг о Бойде – Coram, Robert. Boyd: The Fighter Pilot Who Changed the Art of War, Boston: Little, Brown, 2002 [40].

что сплетается (ткется, соединяется) вместе» [22, Ch. 5]. Из выделяемых трех основных контекстов – геополитического, культурного и технологического, наибольшее влияние на стратегическую неожиданность в настоящее время оказывает геополитический: «Как мы настаиваем, условия потенциальной стратегической внезапности направляются геополитическим контекстом, а не технологией, культурой или умными должностными лицами» [41].

5. Адаптивность стратегии и проблемы трансформации военной сферы

Как уже отмечалось, стратегия и стратегическая оценка и переоценка ситуации являются необходимым элементом победы, а нежелание адаптироваться к происходящим изменениям может иметь фатальные последствия. «Величайшей ошибкой поколения военных лидеров Первой мировой войны был их отказ (за выдающимися исключениями) быстро адаптироваться к изменениям» [42, р. 5]. На протяжении 390 лет Пелопонесской войны спартанцы лучше адаптировали свою стратегию к текущей обстановке, нежели афиняне. Спарта, являясь традиционно сухопутным государством, училась тому, как воюют Афины – морская держава, привыкшая к тому, что «на море достаточно всего лишь победить». До войны афинян в Коринфе воспринимали как «быстрых, агрессивных и передовых», однако уже к концу войны «медленные, традиционные, лишенные воображения спартанцы» оказались в состоянии лучше адаптироваться к условиям войны [43, р. 55].

Практически фатальные бедствия Второй пунической войны, предшествовавшие росту Римской империи, и победы Ганнибала вынудили римлян адаптировать свою стратегию. Жесткому военному государству, придерживавшемуся наступательной стратегии, была совершенно не свойственна оборонительная стратегия, рассчитанная на изматывание противника [4, pp. 80-81]. Тем не менее, столкнувшись с военным гением Ганнибала и его победами в Требии (*Trebbia*), Трасимене (*Trasimene*) и Каннах (*Cannae*), поставившими Римскую Республику на грань катастрофы, римский диктатор Фабиус (*Fabius*) модифицировал римскую стратегию [44, pp. 236-275], заменив ее на «практическое благоразумие для традиционной доблести и отступление перед противником с целью избежать четвертого, возможно фатального поражения» [4, р. 84]. Рим оказался в состоянии модифицировать и адаптировать свою до того победоносную военную стратегию для выживания. Век спустя Полибий (*Polybius*), освещая одну из сильных сторон Рима, говорил о его способности адаптировать обычаи, оружие и тактику, чтобы «подражать тому, что сделано лучше другими» [44, pp. 318-338].

Мольтке, описывая сложную природу войны, призывал командиров использовать гениальность, дух (*genius*), опыт, образование и адаптабельность. «Материальные и моральные последствия любого большого сражения чреватые, однако, такими серьезными последствиями, что благодаря им создается совершенно другая ситуация, которая затем становится базисом для новых оценок.

Ни один план операций не может рассматриваться с какой-либо определенностью после первой встречи с большими силами противника. Командующий вынужден в течение всей кампании принимать решения на основе ситуаций, которые не могут быть предсказаны. Поэтому все последующие шаги войны не есть выполнение заранее обдуманного плана, но спонтанные действия, направляемые военным здравым смыслом.

Проблема заключается в понимании покрывающейся туманом неопределенности в бесчисленном количестве специальных случаев текущей ситуации, корректной оценке фактов и правильном угадывании неизвестных элементов для выработки быстрого решения и затем непреклонном волевом его исполнении...

Очевидно, что теоретическое знание не является достаточным, однако именно здесь сила ума и сила характера получают свободное, практическое и артистическое выражение, хотя и обученные военной подготовкой и направляемые собственным опытом или опытом из военной истории» [45, р. 179].

Важнейшими аспектами трансформации военной сферы, лежащей в основе современной военной стратегии США и позволяющей привести американскую военную машину в соответствие с требованиями 21 века, становятся проблемы стратегической культуры. «Ценности и культура являются жизненным институциональным противовесом врожденного консерватизма военных иерархий и инерции больших бюрократий» [46, р. 42]. Культура должна стимулировать лидеров и весь военный истеблишмент критически оценивать ситуацию и адаптироваться к происходящим изменениям. Придание адаптабельности статуса принципа войны станет необходимым стимулом для изменений в стратегической культуре, что в свою очередь инициирует последующие инновации. Тем самым адаптация и адаптабельность становятся важнейшими культурными доминантами успешной трансформации.

Сентябрь, 2006г.

Источники и литература

1. *Sun Tzu*, The Art of War, London, Oxford University Press, 1963 (translated by S.B. Griffith with a foreword by B. H. Liddell Hart; accepted in the Chinese Translations Series of UNESCO).
2. *Gray Colin S.*, «Defense Planning for the Mystery: Four Principles for Guidance in a Period of Nonlinear Change,» *Airpower Journal*, Vol. 5, No. 2, Summer, 1991. 1, September 2006. <http://www.airpower.maxwell.af.mil/airchronicles/apj/2sum91.html>
3. *Builder Carl H.*, The Masks of War: American Military Styles in Strategy and Analysis, Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.
4. *Bernstein Alvin H.*, «The Strategy of a Warrior-State: Rome and the Wars against Carthage, 264-201 B.C.,» in *The Making of Strategy: Rulers, States, and War*, Williamson Murray, MacGregor Knox, and Alvin Bernstein, eds., New York, 1994.
5. *Gray Colin S.* Transformation and Strategy Surprise. Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, April 2005. 1 September 2006. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB602.pdf>
6. *Jablonsky David*, «Why Is Strategy Difficult.» in *Bartholomees, J. Boone Jr., (ed.) U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited*, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 1 September 2006 <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB708.pdf>>
7. *Gray Colin S.*, «Why Strategy is Difficult,» *JFQ*, Summer, 1999, USA, pp. 80-86.
8. *Chandler David G.*, The Campaigns of Napoleon, New York: Macmillan, 1966.
9. *Clausewitz, Carl von.*, Two Letters on Strategy, Peter Paret and Daniel Moran, eds. and trans., Carlisle, PA: U.S. Army War College, 1984.
10. *Clausewitz Carl von*, On War, *Michael Howard and Peter Paret*, trans., Princeton: Princeton University Press, 1976.
11. *Bartholomees, J. Boone Jr.*, «A Survey of Strategic Thought.» in *Bartholomees, J. Boone Jr., (ed.) U.S. Army War College Guide to National Security Policy and Strategy Revisited*, Strategic Studies Institute (SSI), U.S. Army War College, Carlisle Barracks, June 2006. 1 September 2006, <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/PUB708.pdf>>
12. *Clausewitz Carl von*, On War, *Michael Howard and Peter Paret*, trans., Princeton: Princeton University Press, 1976.
13. *Jomini, Antoine Henri Baron de.* *The Art of War*, *G. H. Mendell, W. P. Craighill*, trans., 1862, reprinted by The West Point Military Library series, *Thomas E. Griess and Jay Luvass*, eds., Westport, CT: Greenwood Press, 1971.
14. *Caemmerer, Rudolf von.* The Development of Strategical Science During the 19th Century, translated by *Karl von Donat*, London: Hugh Rees, 1905.
15. *Corbett, Julian S.*, Some Principles of Maritime Strategy, introduction and notes by *Eric J. Grove*, Annapolis, MD: Naval Institute Press, 1988. 1 September 2006. <<http://www.gutenberg.org/files/15076/15076-h/15076-h.htm>>.

16. *Cordesman Anthony*, «What is Next in Iraq? Military Developments, Military Requirements and Armed Nation Building,» Washington, DC: *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*, August 2003. 1 September 2006. <http://www.csis.org/media/csis/pubs/iraq_whatsnext.pdf>.
17. *Liddell Hart, Basil H.*, *Strategy*, 2nd edition, 1954, reprint, New York: Frederick A. Praeger, 1967.
18. *Howard Michael.*, «Lessons of the Cold War,» *Survival*, Vol. 36, No., 4, Winter 1994-95, p. 165.
19. *Luttwack Edward N.*, *Strategy: The Logic of War and Peace*. The Belknap Press of Harvard University Press, Cambridge, 1987.
20. *Crevelde Martin Van*, *The Transformation of War*, New York: The Free Press, 1991.
21. *Crevelde Martin Van*, «The Transformation of War Revisited,» in *Robert J. Bunker*, ed., *Non-State Threats and Future Wars*, London: Frank Cass, 2003.
22. *Graye Colin S.*, *Modern Strategy*, Oxford: Oxford University Press, 1999.
23. Joint Staff, Joint Publication 1-02, *DOD Dictionary of Military and Associated Terms*, Washington, DC: United States Department of Defense, 2001. 1 September, 2006. http://www.dtic.mil/doctrine/jel/new_pubs/jp1_02.pdf.
24. Joint Staff, *Joint Doctrine Encyclopedia*, Washington, DC: United States Department of Defense, 1997. 1 September, 2006. http://www.fas.org/man/dod-101/dod/docs/encyd_h.pdf.
25. *Dorff Robert H.*, «A Primer in Strategy Development,» in *U.S. Army War College Guide Strategy*, *Joseph R. Cerami and James F. Holcomb, Jr.*, eds., Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, 2001. 1 September, 2006. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=362>>
26. *Chilcoat Richard A.*, «Strategic Art: The New Discipline for 21st Century Strategists,» in *U.S. Army War College Guide Strategy*, *Joseph R. Cerami and James F. Holcomb, Jr.*, eds., Carlisle Barracks, PA: Strategic Studies Institute, 2001. 1 September, 2006. <<http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?pubID=362>>
27. *Murray Williamson, Mark Grimsley*, «Introduction: On Strategy,» in *The Making of Strategy: Rulers, States, and War,» Williamson Murray, MacGregor Knox, Alvin Bernstein*, eds., New York, 1994.
28. *Wylie Joseph C.*, *Military Strategy: A General Theory of Power Control*, Annapolis, MD: U.S. Naval Institute Press, 1989 <1967>.
29. *Crevelde, Martin van.*, «Eternal Clausewitz,» in *Clausewitz and Modern Strategy*, *Michael L. Handel*, ed., London: Frank Cass, 1986.
30. *Lazenby, J. F.*, *Hannibal's War: A History of the Second Punic War*, Warminster, UK: Aris and Phillips, 1978.
31. *Beaufre André*, *An Introduction to Strategy*, London: Faber and Faber, 1965.
32. *Kennedy Paul*, ed., *Grand Strategies in War and Peace: Toward a Broader Definition*, New Haven, CT: Yale University Press, 1991.
33. *Gray Colin S.*, «How Has War Changed Since the End of the ColdWar?» *Parameters*,

- U.S. Army War College, Spring 2005. 1 September 2006. <<http://www.carlisle.army.mil/USAWC/Parameters/05spring/gray.pdf>>
34. Lane D., R. Maxfield, "Strategy under Complexity: Fostering Generative Relationships," *Long Range Planning*, 1996, 29 (2), pp. 215-231. 1 September 2006. http://www.plexusinstitute.org/edgeware/archive/think/main_filing9.html.
 35. Watts Barry D., «Clausewitzian Friction and Future War,» *McNair Paper* 52, Institute for National Strategic Studies (INSS), National Defence University (NDU), Washington DC, October 1996 (Revised July 2000). 1 September 2006. <<http://www.ndu.edu/inss/McNair/mcnair52/mcnair52.pdf>>.
 36. Wirtz James, «Theory of Surprise,» in Richard K. Betts and Thomas G. Mahnken, eds., *Paradoxes of Intelligence: Essays in Honor of Michael I. Handel*, London: Frank Cass, 2003.
 37. Liddell Hart, Basil H., *History of the First World War*, London: Pan Books, 1972.
 38. Boyd John R., «A Discourse on Winning and Losing,» *Air University document MU43947*, briefing, 1987. 1 September 2006. http://www.d-n-i.net/second_level/boyd_military.htm.
 39. Fadok David S., «John Boyd and John Warden: Airpower's Quest for Strategic Paralysis,» *The Paths of Heaven: The Evolution of Airpower Theory*, Maxwell AFB, AL: Air University Press, 1997. 1 September 2006.<http://aupress.au.af.mil/SAAS_Theses/Fadok/fadok.pdf>.
 40. Coram Robert Boyd, *The Fighter Pilot Who Changed the Art of War*, Boston: Little, Brown, 2002.
 41. Gray Colin S., *Another Bloody Century: Future Warfare*, London: Weidenfeld and Nicolson, 2005.
 42. Leonard Robert R., *The Principles of War for the Information Age*, Novato, CA, 1998.
 43. Kagan Donald, «Athenian Strategy in the Peloponnesian War,» in *The Making of Strategy: Rulers, States and War*, Williamson Murray, Macgregor Knox, Alvin Bernstein, eds., New York: Cambridge University Press, 1994.
 44. Polybius, *The Rise of the Roman Empire*, trans. Ian Scott-Kilvert, New York: Penguin Books, 1979.
 45. Earle Edward Mead, ed., *The Makers of Modern Strategy: Military Thought from Machiavelli to Hitler*, Princeton, NJ: Princeton University Press, 1944.
 46. Dorn, Edwin, et al., *American Military Culture in the Twenty-First Century: A Report of the CSIS International Security Program*. Center for Strategic and International Studies (CSIS), Washington DC, February 2000.

MILITARY ASPECTS OF STRATEGY

Hrachya Arzumanyan

Resume

In the complicated civilization, geopolitical and political atmosphere characterized by uncertainty and dynamism, continuous development of Armenian statehood and its basis, Republic of Armenia's military organization, needs to work out corresponding theoretical basis. Restoring the interrupted military traditions and culture, Armenia can and must base on the developments of western culture, philosophy and strategic idea. At that, Armenia has a unique chance not to pass all the evolutionary way of the western military idea, making use the West's experience of the recent decades.

Armenia's continuous spiritual and cultural Traditions let us speak about the possibility and reality of such a gallop. It will provide a chance for Armenia to undertake the construction of armed forces, military organization, and the whole military sphere in compliance with the XXI century's realities. The importance of such a breakthrough can hardly be overestimated.